

РАЗМЫШЛЕНИЯ НАД НОВОЙ КНИГОЙ

DOI: 10.7868/S0869587314010083

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЕ И ЦЕННОСТНЫЕ ГОРИЗОНТЫ ВЕРНАДСКОГО

150-летний юбилей Владимира Ивановича Вернадского вызвал новый всплеск интереса к творчеству великого учёного. Национальная академия наук Украины издала к этой знаменательной дате 10-томную (в 15 книгах) серию “Избранные научные труды академика В.И. Вернадского”, в которой дан глубокий анализ его вклада в мировую науку, развитие многих направлений естественных и социогуманитарных дисциплин.

Большой коллектив учёных различных научно-исследовательских и образовательных учреждений на фундаментальном уровне обнародовал ряд научных и творческих работ (монографии, статьи, рецензии, научные записки, воспоминания, очерки, переписка), которые полно и всесторонне характеризуют наследие великого учёного. Переписка Вернадского с 152 корреспондентами (904 письма) в сопровождении подробных комментариев помогает раскрыть развитие его научной школы во многих отраслях знаний, личные духовные контакты с коллегами и учениками, которым он помогал в сложных ситуациях революционного времени и идеологических преследований 20–30-х годов прошлого века.

В России и Украине к юбилею В.И. Вернадского опубликованы и другие интересные работы. Среди всех этих изданий не останется незамеченным многолетний оригинальный авторский проект, итогом которого, кроме многочисленных журнальных публикаций, стали две рецензируемые книги*. Авторы этого проекта доктора философских наук И.И. Мочалов (Институт истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова РАН), один из основоположников исследований творчества В.И. Вернадского, которым он занимается более полувека, и В.И. Оноприенко (Центр исследований научно-технического потенциала и истории науки им. Г.М. Доброва НАН Украины). Первая из рецензируемых книг вышла уже вторым изданием.

* Мочалов И.И., Оноприенко В.И. В.И. Вернадский: Наука. Философия. Человек. Кн. 1. Наука в исторических и социальных контекстах. Изд. 2-е, доп., испр. Киев: Информационно-аналитическое агентство, 2011; Мочалов И.И., Оноприенко В.И. В.И. Вернадский: Наука. Философия. Человек. Кн. 2. Наука и её инструментарий: Логико-методологические аспекты. Киев: Информационно-аналитическое агентство, 2012.

Сам замысел двухтомника оригинален и широк. Авторы определяют его так: “Наука–Философия–Человек – суть те фундаментальные составляющие *Дискурса, над которым и внутри которого* В.И. Вернадский трудился фактически всю свою сознательную жизнь. <...> На проблемном пространстве этого Дискурса органично соединились самые глубинные интересы и стремления Вернадского, затрагивающие отнюдь не одну только область чистых размышлений, но, как правило, и саму повседневную *практику* его столь богато одарённой личности” (Кн. 1, с. 17, 52).

В пяти главах первой книги – “Историко-гуманитарные аспекты науки”, “Наука и общество”, “Философия и методология науки”, “Социология науки”, “Проблемы развития науки и её историография” – рассмотрен широкий круг вопросов: проблемы научного мировоззрения, ноосферы, науки и государства, науки и образования, этики научного творчества, искусства и религии в их соотношении с наукой, специфика понимания Вернадским методологии и социологии науки, его вклад в разработку методов историко-научного исследования.

Авторы рецензируемых книг справедливо отмечают, что Вернадский много размышлял о специфике научной деятельности. На протяжении всей жизни он интересовался не только конкретными научными сферами, в которых работал как исследователь (а их спектр был чрезвычайно широк), но и наукой в целом, её природой, путями и закономерностями развития, формами организации, направлениями творчества, сравнением с другими видами культуры, ролью в экономике и обществе.

Для творчества Вернадского характерно системное осмысление науки. Он многое сделал для формирования нового самосознания учёных и понимания ими процесса развития науки и природы научного творчества. Воспринимая науку как “систему с рефлексией”, он, как типичный естествоиспытатель, смотрел на её прошлое глазами современного исследователя. Размышления Вернадского стали определённым базисом для теоретиков и философов науки в связи с усилением внимания к “человеческому элементу” науки, с проникновением в неё духа социокультурного, психологического и социологического анализа.

Для Вернадского характерен научный подход, доминирующий в последние десятилетия, смысл которого заключается в рассмотрении широкого спектра специфических отношений, порождающих новое знание. При этом в сферу исследования природы науки всё более попадают такие темы, как развитие форм общения учёных, история научных школ, коммуникаций, публикаций, норм и критериев ценностей в научном сообществе, социальная ответственность учёных и т.д. Ключевые события в развитии науки он связывал с деятельностью различных исследовательских объединений внутри дисциплинарных структур: научных школ, кафедр, институтов, лабораторий. История науки рассматривается им в связи с полемикой между научными школами, разработкой конкурирующих концепций и методов.

Авторы рецензируемых книг показывают, как Вернадский благодаря энциклопедичности знаний и широте интересов ощутил те изменения в методологии науки, которые произошли в результате научной революции конца XIX — начала XX в. Он выдвинул требование научного подхода к самой науке, определения исходных позиций, приёмов и методов её исследования. Его обращение к проблемам логики, методологии, социологии науки, психологии научного творчества, к творчеству выдающихся деятелей науки XX столетия А. Пуанкаре, А. Эйнштейна, Н. Бора, В. Гейзенберга, Н. Винера стимулировало развитие этих направлений.

В своих трудах Вернадский высказывает мысль о нелинейности развития научного знания, которая стала существенной чертой науки конца XX — начала XXI в. Он полагал, что научные построения, как правило, не являются логически стройными системами знаний и сознательно не определяются разумом. Они противоречивы, подвергаются непрерывным изменениям, исправлениям, представляют собой системы с динамически неустойчивым равновесием.

Авторы не избегают сложных, проблемных вопросов, таких, например, как понятие “ноосфера”, которое в последние годы нередко употребляется как расхожий, примитивизированный штамп. Они показывают противоречия в истолковании ноосферы и актуальные аспекты её рассмотрения как ноосферной реальности. Новые смысловые определения ноосферы существенно уточняют границы этого понятия и корректируют его содержание.

Во второй книге рецензируемой диалогии в центре внимания находятся проблемы логики, эпистемологии и методологии научного исследования. Эта часть творческого наследия Вернадского ранее практически не изучалась, но по своему объёму она весьма представительна. Хотя Вернадский был хорошо знаком с работами философов и методологов различных направлений,

у него фактически по любому вопросу формировалось собственное мнение с соответствующей аргументацией. Именно оригинальность мысли, нетривиальность и основательность аргументов и сегодня привлекают читателя к его размышлениям.

Наряду с проблемами истинности и достоверности научного знания, логики и реальности, научной рациональности и эмпирического опыта, рассмотрением природы научного факта, аналогии, гипотезы, теории, Вернадский анализирует понятия структуры науки как целого, как научного аппарата, научных аксиом и принципов, которые наполнены оригинальным смыслом. Авторы отмечают, что Вернадский относится к тем классикам науки XX в., которым было присуще стремление к философскому осмыслению средств исследования и понятийного аппарата, применяемого для решения научных задач.

В обсуждаемых книгах предпринята попытка соотнести логико-методологический аппарат Вернадского с современными достижениями эпистемологии науки. Однако сообщество учёных разделяет не все выводы Вернадского о специфике логико-методологического аппарата науки. В ряде случаев они настолько оригинальны и необычны, что вызывают не только несогласие, но и протест. Позиция учёного формировалась на протяжении десятилетий, причём он не имел соратников и оппонентов, а базисом для его заключений в этой области была сфера наук о Земле и жизни. Естественно, это накладывало особый отпечаток на те выводы, которые он делал. Порой трудно согласиться с оценками Вернадского теорий и гипотез как вторичных по сравнению с фактами и эмпирическими обобщениями. К тому же он понимал эмпирическое обобщение очень широко, например, таковым он считал понятие “биосфера”. Всё это означает, что глубокий анализ логико-методологических проблем науки, проведённый Вернадским на оригинальной основе, не является догмой и требует нового осмысления и оценки.

Авторы рецензируемых книг вполне справедливо рассматривают Вернадского и как учёного, и как оригинального философа. Вместе с тем существует мнение, основанное на собственных признаниях Вернадского, который, фактически всю жизнь достаточно профессионально занимаясь философией и историей науки, всегда подчёркивал, что он не философ и не историк науки, а именно учёный, исследователь.

Напомню высказывания Вернадского по этому поводу: “Граница между философией и наукой — по объектам их исследования исчезает, когда дело идёт об общих вопросах естествознания. Временами даже называют эти обобщающие научные представления философией науки. Я считаю такое понимание вековых объектов изучения науки неправильным, но факт остаётся, и философ, и

учёный охватывают общие вопросы естествознания одновременно, причём философ опирается на научные факты и обобщения, но не только на них. Учёный же не должен выходить ... за пределы научных фактов, оставаясь в этих пределах, даже когда он приходит к научным обобщениям. Это, однако, не всегда для него возможно и не всегда им делается.

Тесная связь философии и науки в обсуждении общих вопросов естествознания (философия науки) является фактом, с которым как таковым приходится считаться и который связан с тем, что и натуралист в своей научной работе часто выходит, не оговаривая или даже не осознавая этого, за пределы точных, научно установленных фактов и эмпирических обобщений. Очевидно, в науке, так построенной, только часть её утверждений может считаться общеобязательной и непреложной” [1, с. 105].

Отношение Вернадского к философии воспринимается как нечто парадоксальное. До конца жизни он считал философию не наукой, а совершенно особой сферой духовной человеческой деятельности, важной, нужной, несомненно, влияющей на развитие научных исследований, но принципиально отличающейся от них дедуктивным способом мышления. Философия не обладает набором эмпирических, легко проверяемых фактов, она оперирует отвлечёнными понятиями, а следовательно, это не наука. “Наука, вскрывая новое, ломает старые философские представления, указывает путь. Дело в том, что в истории философии наблюдается явление, невозможное для научной мысли в наше время: наука одна для всего человечества, философий, по существу, несколько, развитие которых шло независимо в течение тысячелетия, долгих веков и долгих поколений” [1, с. 81].

Вернадский оспаривал претензию диалектического материализма диалектическим методом помочь научным исследованиям: “Мне представляется это недоразумением. Никогда никакая философия такой роли в истории мысли не играла и не играет. В методике научной работы никакой философ не может указывать путь учёному, особенно в наше время. Он не в состоянии точно охватить сложные проблемы, разрешение которых стоит сейчас перед натуралистом в его текущей работе. Методы научной работы в области экспериментальных наук и описательного естествознания и методы философской работы, хотя бы в области диалектического мышления, резко различны. Мне кажется, они лежат в разных плоскостях мышления, поскольку дело идёт о конкретных явлениях природы, то есть об эмпирически научно установленных фактах и построенных на научных фактах эмпирических обобщениях. Мне кажется, тут дело настолько ясное, что спорить об этом не приходится. Наши филосо-

фы-диалектики на эту область научного знания не должны были бы посягать для своей же пользы. Ибо здесь их попытка заранее обречена на неудачу. Они здесь борются с наукой на её исконной почве. Наука пережила подобное вмешательство религиозной мысли и религиозных построений, в корне ошибочных, в эпоху Возрождения ... Хотя здесь борьба ещё не кончена, но едва ли кто будет отрицать, что победа осталась на стороне науки” [2, с. 449].

Тем не менее следует признать, что именно занятия историей и философией науки существенно расширили влияние трудов Вернадского на научное сообщество. Вернадский — один из немногих учёных, обращение к творческому наследию которых со временем возрастает.

Осмысливая свой опыт работы над наследием Вернадского, авторы диалогии пишут: «Истоки нашей совместной работы над этим кругом вопросов относятся к началу 1960-х годов: работа *фактически* действительно была совместной, хотя чисто формально мы не всегда “состыковывались”. Но кто сегодня — в потоке времени, исчисляемом годами и десятилетиями, — будет обращать внимание на пустые формальности. Главное — *работа идёт и будет продолжаться...* Наше движение в “поле притяжения” Вернадского знало и свои “взрывы творчества”, говоря словами нашего героя. Это были прежде всего 1961–1967 и 1992–2007 годы, географически прочно привязанные к трём городам нашей общей российско-украинской истории: Москве, Киеву, Казани. В целом же плодами, собранными с этого поля, стали наши публикации книг, статей, очерков, архивных документов — и не только относящихся исключительно к одному Владимиру Ивановичу, но и к тому немалому кругу его учеников, сотрудников, друзей, волею судеб так же, как и мы, оказавшихся в своё время в поле притяжения его мощного Интеллекта» (Кн. 1, с. 56).

Авторское признание подтверждает, что такого рода труд требует постоянных, непрерывных усилий и творческого напряжения в течение многих лет. Об этом говорят многочисленные архивные ссылки в рецензируемых книгах и приложения первых авторских публикаций из архивного фонда Вернадского, детально откомментированные и адаптированные к восприятию современным читателем. Следует обратить внимание на приведённую в приложениях второй книги аналитическую статью известного, недавно скончавшегося публикатора дневников Вернадского доктора геолого-минералогических наук В.П. Волкова “Опыт публикации дневников В.И. Вернадского: предварительные итоги”. В ней показано значение содержащейся в дневниках информации об истории науки и научных учреждений в СССР, широчайшем круге учёных и деятелей культуры, многие из которых были как бы “стёрты” ради-

кальным поворотом истории. Представленные свидетельства очевидцев коренных изменений общественного строя, эволюции общественного сознания, социальной психологии и быта в протяжении десятилетий весьма поучительны.

Многочисленные и разнообразные приложения к рецензируемой диалогии — тексты статей из недавней и совсем свежей прессы, стихи некоторых поэтов и даже остроумные афоризмы (их много во второй книге) — заслуживают особого внимания. Поначалу они кажутся не совсем уместными, но в процессе чтения понимаешь их целесообразность: они продолжают, дополняют и оживляют основное содержание, подчёркивают уникальность личности Вернадского, его необыкновенную открытость миру, восприимчивость и способность к оценке совершенно разных явлений и событий, далеко выходящих за пределы его профессиональных интересов. С этим же связано и наличие в книгах эмоционально окрашенных, авторских размышлений о современности, авторы следуют за своим героем, живо реагируя на окружающую реальность, которая постоянно требует отклика внутренне активного и свободного субъекта. Таков был сам Вернадский, всегда выступавший с нетривиальной и гуманистической оценкой событий современности, внутренней и внешней политики, научной жизни, человеческих отношений.

Среди многообразия литературы о Вернадском книги И.И. Мочалова и В.И. Оноприенко выделяются стремлением расширить представление о его личности, творческом наследии, профессиональном и человеческом окружении, преодолеть сложившиеся стереотипы и шаблоны. Чтение этих книг — непростое занятие, но оно углубляет видение Вернадского и его эпохи, вызывает стремление разобраться в его оригинальных идеях, мотивах деятельности, побуждениях и

оценках, которые менялись, сохраняя в то же время устойчивость своего гуманистического потенциала.

Рецензируемые книги продуманно иллюстрированы, снабжены подробным справочно-библиографическим аппаратом. Высказывания Вернадского, вынесенные на обложку, заставляют сразу же задуматься об актуальности его творчества в наши дни:

• “Наука даёт нам возможность найти незыблемую и прочную опору жизни не только в своих результатах, достижениях научной работы, в научных истинах, но и в самом процессе научной работы, в вызванных научными исканиями построениях нашего жизненного пути”;

• “Я считаю печальной чертой русской теперешней жизни странное и непонятное для меня отношение к науке как к роскоши”.

Мы наблюдаем сейчас, что последнее высказывание относится и к теперешней русской жизни.

По моему мнению, двухтомник И.И. Мочалова и В.И. Оноприенко может стать хорошим пособием для студентов, аспирантов и, конечно же, для преподавателей, которых хочется призвать к самой активной пропаганде идей Владимира Ивановича Вернадского.

*А.Г. НАУМОВЕЦ,
академик Национальной академии наук Украины,
вице-президент НАН Украины*

ЛИТЕРАТУРА

1. *Вернадский В.И.* Научная мысль как планетное явление. М.: Наука, 1991.
2. *Вернадский В.И.* Труды по философии естествознания. М.: Наука, 2000.